

Р. А. Малахов, Вологда

РЕЛИГИЯ И ЧИНОВНИКИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Целью настоящей работы является изучение влияния местных чиновников исполнительных органов власти на религиозную жизнь населения Вологодской губернии в первые годы Советской власти. В ней сосредоточено внимание на выяснении спектра вопросов религиозного характера, профессионально интересующих служащих, на изучении отношения органов власти и должностных лиц к религии, на определении характерных черт во взаимоотношениях центральных органов и провинциальных чиновников.

Источниковая база работы включает нормативные материалы центральных органов управления и делопроизводственную документацию местных органов власти. В 1918 - 1919 гг. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (далее - ВЦИК) и Народные комиссариаты юстиции, труда приняли ряд инструкций и разъяснений, касающихся взаимоотношений государства и церкви. Эти документы по своему содержанию были направлены на регламентацию религиозной жизни, ее стабилизацию в новых условиях. Местные органы исполнительной власти получили право контролировать и направлять деятельность церковных учреждений.

Из разряда делопроизводственных материалов были использованы протоколы заседаний, отчетная и учетная документация органов власти Вологодской губернии. В ходе исследования были проанализированы протоколы заседаний Вологодского губернского и уездного исполкомов за 1918 - 1919 гг., Вельского уездного исполкома за 1918 г., Вологодского городского продовольственного комитета за 1919 г. и др. Вопросы религиозного содержания занимают в них по объему далеко не первостепенное место. Так, например, из более чем 30 протоколов заседаний объединенного исполкома г. Вологды и Вологодского уезда за октябрь 1918 - июль 1919 гг. только три содержат сведения, касающиеся религии¹. Копии данной группы документов в машинописном виде, выполненные на стандартных листах, хранятся в ГАВО в фондах губисполкома (Ф.585) и его отдела управления (Ф.53).

В качестве источников были изучены также несколько рабочих дневников, составленных инструкторами информационно-инструкторского подотдела отдела управления Вологодского губернского исполкома. Эти материалы были созданы в ходе поездок данных работников по Вологодскому и

Каргопольскому уездам Вологодской губернии весной и летом 1919 г. Внешне дневники представляют собой рукописные (тексты написаны черными и синими чернилами на стандартных листах, их объем - несколько десятков страниц) ежедневные записи о деятельности и впечатлениях инструкторов. По возвращении из командировок чиновники передали данные документы в губернский отдел управления, где на основе этих материалов были подготовлены их машинописные копии, полностью соответствующие оригиналам. Дневники и их копии хранятся в одних и тех же архивных делах в фонде отдела управления Вологодского губисполкома (ГАВО. Ф.53. Оп.1. Д.87, 332). Эти материалы содержат сведения субъективного характера, представленные в виде эмоционально-личностного описания событий и окружающей действительности. Однако необходимо иметь в виду то, что указанные дневники не были абсолютно личными и интимными документами, т.е. дневниками в классическом понимании. Они были представлены в отдел управления губисполкома как своего рода отчеты о проделанной работе. Следовательно, авторы создавали их с учетом того, что вся информация станет достоянием руководства, коллег по работе. В этой связи можно предположить, что изучаемым дневникам доверялись только такие оценки событий, которые, по крайней мере, не вызывали протеста у начальства.

В России после 1917 г. отношение государства к религии в целом кардинально изменилось. По мнению ряда исследователей, большевистские руководители фактически санкционировали ликвидацию Русской Православной Церкви. Так, например, Д. В. Пospelовский указывал, что уже «в 1918 г. посыпался ряд декретов и постановлений, направленных на удушение Церкви». В стране «в течение 1918 - 1920-х гг. были убиты, по меньшей мере, двадцать восемь епископов, тысячи священников были посажены в тюрьмы или также убиты; а число мирян, заплативших жизнью за защиту интересов Церкви или просто за веру ... составило двенадцать тысяч... У Церкви были отобраны типографии, ряд храмов и монастырей»². В этой связи возникает вопрос: как складывались взаимоотношения церкви и ответственных работников региональных органов власти? Обратимся к изучению этого вопроса.

После революционных событий октября 1917 г. регулирование религиозных вопросов на местах было официально передано в руки губернских и уездных органов исполнительной власти. Изучение протоколов заседаний этих учреждений показало, что постановляющая часть некоторых документов имела в определенном смысле «знаковый» характер. Это указывает на то, что данные решения позволяют составить более или менее ясное представление о восприятии служащими отдельных религиозных проблем. Так, на заседании Вельского уездного исполкома, проходившем 22 апреля 1918 г., было решено «празднование праздника пролетариата с 1 мая по случаю Страстной седмицы перенести на второй день Пасхи 6 мая...»³. Данный факт говорит о приоритете

для уездных чиновников религиозного праздника над светским. Необходимо отметить, что официальное празднование православных торжественных дней в губернии продолжалось и в 1920-е годы. Так, например, в 1922 и 1923 гг. Вологодский губисполком принимал решения считать Рождество и Пасху праздничными нерабочими днями, наряду с революционными праздниками⁴. Указанные факты свидетельствуют, что губернские и уездные органы советской власти в определенной мере учитывали духовные потребности населения. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что при принятии данных решений провинциальные чиновники могли опираться на указания вышестоящих учреждений. После революционных событий октября 1917 г. центральные органы признали главные праздники Русской Православной Церкви торжественными общегосударственными нерабочими днями. Так, Совет Народных Комиссаров декретом от 29 октября 1917 г. утвердил перечень праздничных нерабочих дней, который включал наряду с революционными и религиозные праздники (Рождество, Крещение, Благовещение, Пасху, Вознесение и др.). В этом документе также указывалось, что «для нехристиан допускается внесение в расписание других праздников ... сообразно закону их веры...»⁵. В декабре 1918 г. ВЦИК своим постановлением разрешил органам власти устанавливать дополнительные дни отдыха в зависимости от «местных условий», в том числе и от региональных религиозных традиций при согласовании этого вопроса с профсоюзами⁶.

Изучение материалов о деятельности провинциального чиновничества в первые годы Советской власти приводит к выводу о существовании в аппарате власти тенденции к взвешенному и рациональному отношению к религии. Обращает на себя внимание уже тот факт, что коллегия Вологодского городского продовольственного комитета на заседании, проходившем 29 марта 1919 г., приняла положительные решения по двум заявлениям. Первое заявление содержало просьбу Вологодского епархиального совета выдать «в его распоряжение, ввиду приближающегося праздника Пасхи, 30 пудов пшеничной муки для приготовления просфор и артоса для всех православных храмов Вологды». Во втором - вологодский раввин просил утвердить разработанный им порядок выдачи мацы «еврейскому населению города на праздник Пасхи...»⁷.

В сентябре 1919 г. служащие «иудейского вероисповедания», работающие в отделе управления Вологодского губисполкома, обратились в комитет служащих этого отдела с просьбой освободить их от работы «в предстоящие по еврейскому обряду праздничные дни...»⁸. Коллегия отдела труда губисполкома, куда обратился комитет служащих за разъяснением по этому вопросу, сочла возможным предоставить «служащим евреям отпуск в дни годовых праздников, если условия работы не препятствуют, и с обязательным условием или удержанием за праздничные дни ... или зачесть их в счет ... отпуска»⁹. Данная ситуация могла возникнуть только в условиях терпимого отношения

руководства к праву служащих на свободу вероисповедания. Вместе с тем позиция местных чиновников по указанным вопросам формировалась, видимо, с учетом решения Народного комиссариата труда, который в 1919 г. предоставил право отделам труда губернских и уездных исполкомов устанавливать особые нерабочие дни для трудовых коллективов с преобладанием «иноверческого» состава работников для празднования их религиозных торжеств¹⁰.

Представленные выше факты не исчерпывают всей полноты взаимоотношений государственных учреждений и церкви в изучаемый период. Органы власти далеко не всегда терпимо и сочувственно относились к религии и религиозным чувствам населения. Нередко хозяйственный расчет или политическая целесообразность диктовали чиновникам тактику поведения. Так, например, объединенный исполком г. Вологды и Вологодского уезда на своем заседании 26 декабря 1918 г., рассмотрев вопрос о «религиозных изображениях, находящихся в магазинах коммунального совета», предложил не продавать эти изображения населению, а использовать их «для хозяйственных надобностей»¹¹. Из содержания этого решения следует, что священные для верующих предметы отныне могли применяться как оберточный материал, в качестве бумажных салфеток, подставок и даже топлива. Впоследствии этот орган власти смягчил свою позицию по рассматриваемому вопросу. На своем заседании, проходившем 23 июня 1919 г., он постановил разрешить «распродажу религиозных изображений тем учреждениям, у коих таковые имеются, а из имеющегося при Совкомхозе не отпускать»¹². К началу 1919 г. в Вологде сложилась критическая ситуация в связи «с переполнением города населением». Переселенцы, приехавшие из менее благополучных районов, солдаты, прибывшие для формирования войсковых подразделений, городские рабочие, «ютящиеся» с семьями в вагонах, испытывали острую нужду в жилье. Положение усугублялось разразившейся в городе «эпидемией тифа». Все эти обстоятельства подталкивали ответственных работников органов власти города на принятие радикальных решений. В частности, по предложению председателя Вологодского губернского совнархоза И. А. Саммера, президиум совета коммунального хозяйства объединенного исполкома г. Вологды и Вологодского уезда 6 февраля 1919 г. принял решение «отвести половину городских церквей под жилые помещения, оборудовав их уборными...»¹³.

Антицерковные меры были приняты и другими уездными исполнительными комитетами Вологодской губернии. Так, Вельский уездный исполком решением от 8 октября 1919 г. аннулировал денежные вклады, принадлежавшие церквям, «ввиду поступившего последнего распоряжения из Центра»¹⁴. Местные чиновники пытались регулировать общественные привычки и нормы поведения населения, основанные на народных религиозных традициях и вступающие в противоречие с политикой Советской власти. Так, в постановлении отдела управления Вельского уездного исполкома от 2 октября 1919 г. указыва-

лось, что в связи с окончанием уборки урожая «и с наступлением осенних религиозных праздников граждане Вельского уезда варят пива, истребляя на пивоварение довольно большое количества хлеба... Граждане, истребляя хлеб на пиво ... прекрасно знают, что их братья бедняки города, а часто и их соседи - бедняки деревни в это самое время голодают и мрут от голода...». В постановляющей части этого документа «категорически» запрещалось в уезде «пивоварение с какой бы то оно целью и под каким бы предлогом не производилось...»¹⁵.

Антирелигиозные решения органов местной власти не находили однозначного одобрения у населения Вологодской губернии, поскольку православные устои были сильны в этом регионе. О значении религии для населения губернии в первые годы Советской власти свидетельствуют материалы инструкторского обследования Каргопольского уезда. Обследование, проведенное инструкторами отдела управления Вологодского губисполкома С. В. Лебединным и Н. А. Ковылевым в 1919 г., показало, что православная религия имеет здесь широкое распространение. Обращает внимание уже само описание г. Каргополя, куда эти инструкторы были направлены в командировку. С. В. Лебединов пишет в своем дневнике: «Перед въездом в город открылась следующая панорама: бесчисленное количество церквей с еще более бесчисленным количеством глав крестов...»¹⁶. Оба чиновника отметили крайнюю набожность местного населения. Свои впечатления С. В. Лебединов по этому вопросу выразил следующим образом: «Крестьяне страшно набожны и суеверны, понастроили в каждой деревне часовен и без помощи Божией ни на шаг...»¹⁷. Инструктор Н. А. Ковылев в августе 1919 г. оказался в деревне Сафоновская Каргопольского уезда в день, когда ее жители отмечали «праздник «Молебствие» в честь Макария». В ходе беседы с жителями он выяснил и записал в дневнике, что «религия в данной местности стоит на высоком уровне...»¹⁸.

Религиозными традициями была пропитана не только жизнь крестьян. Отголоски церковного уклада можно было обнаружить, например, в деятельности некоторых управленцев. Так, С. В. Лебединов и Н. А. Ковылев обнаружили в 1919 г., что учет населения для распределения продовольствия в отделе управления г. Каргополя «ведется по церковным книгам говельщиков», т.е. постящихся. В своих дневниковых записях С. В. Лебединов выразил недоумение по этому поводу: «Трудно сказать, кто сидит в городском отделе, чудачки или совершенно безголовые люди. Но все же нельзя не рассмеяться, глядя на такую постановку дела»¹⁹. Внимание губернских инструкторов привлекло наличие в помещениях волостных исполкомов православных икон. Так, в дневнике С. В. Лебединова, обследовавшего Вологодский уезд в марте-апреле 1919 г., отмечено присутствие в трех волысполкомах икон, которые по его требованию были переданы в местные храмы²⁰. Инструктор губисполкома Н. А. Ковылев в ходе обследования волостных исполкомов Каргопольского уезда в

августе 1919 г. тоже обнаружил иконы и приказал их убрать²¹. «Интерес» местных чиновников к иконам, находящимся в зданиях властных органов, был предопределен и санкционирован решениями центра. В 1918 г. Народный комиссариат юстиции запретил размещение икон в государственных и общественных учреждениях и обязал «местную советскую власть» устранить из этих зданий любые «религиозные изображения»²². В инструкции Народного комиссариата юстиции от 3 января 1919 г. содержалось требование о передаче икон из общественных помещений в местные храмы²³. В этой связи обращает на себя внимание описание С. В. Лебединовым изъятия иконы князя Александра Невского из исполкома Ломтьевской волости Вологодского уезда: «Из помещения исполкома все еще не вынесена икона, не вынесены также иконы из некоторых школ... Я предложил одному из членов исполкома немедленно переговорить с местным священником, о том чтоб икона была поставлена в церковь (икона громадная, занимает целую сажень), на что священник изъявил согласие и обещал завтра, после обедни, перенести таковую в церковь с соблюдением известных религиозных церемоний»²⁴. Из текста этого описания не видно, чтобы советский чиновник резко и жестко воспринял присутствие иконы в учреждении. Он не испытывал открытого раздражения по поводу неторопливости священника в этом деле и проведения им необходимых обрядов при перемещении религиозного изображения.

Заслуживает пристального внимания проблема индивидуального восприятия религии провинциальными чиновниками. Изученные дневники инструкторских обследований содержат прямые заявления некоторых служащих об их отношении к Богу. Уникальными являются «откровения» инструктора губисполкома С. В. Лебединова. Обследовав в июне 1919 г. действующий Кирилло-Челмогорский монастырь в Каргопольском уезде, он записал: «Когда мне пришлось близко столкнуться с жизнью монахов, то я был невольно поражен их трудолюбием, организованностью и хозяйственностью. Монастырские порядки в десять раз лучше, чем порядки любого Советского учреждения г. Каргополя. Настоятель весьма деятельный и нужно сказать, хороший сельский хозяин...»²⁵. О судьбе этого монастыря С. В. Лебединов разъяснял местным крестьянам, что он хотел бы там создать «племенной рассадник для скота», а «монахи по-прежнему станут работать и их никто не тронет. Пусть они себе молятся, да работают». Из дневника С. В. Лебединова следует, что крестьяне остались довольны таким подходом и между собой говорили: «Вот из Вологды большевики приехали хорошие, совсем не похожи на наших, даже монахов не трогают»²⁶. Следует отметить, что провинциальные органы власти были наделены правом распоряжаться судьбой духовных учреждений. В 1919 г. Народный комиссариат юстиции дал разъяснение о том, что «судьба монастырей зависит от усмотрения местных совдепов». Местной власти предоставлялось право создавать любые организации на базе этих обитателей²⁷. Высту-

пая перед жителями г. Каргополя, С. В. Лебединов говорил, что «идейный анархизм - учение прекрасное, это, конечно, цель культурного человечества, я уважаю Христа, уважаю Бакунина, Кропоткина ... но ... претворить в жизни эти идеалы сейчас невозможно... мы, взрослые люди, обойтись без власти, нет не можем...»²⁸. Обследова Вологодский уезд, С. В. Лебединов обратил внимание местных крестьян «на то, что нужно почитать свое божество, а не делать так, как раньше (держали иконы в кабаках)...»²⁹. Приведенные факты показывают, что данный чиновник не был безразличен к религии.

Важной проблемой является поиск причин, повлиявших на формирование определенных религиозных взглядов указанных чиновников. Источником для такого исследования, прежде всего, служат биографические сведения об авторах исследуемых дневников. Так, Ковылев Николай Александрович родился в 1893 (или 1894) году. Из учетных сведений следует, что он получил «нижнее начальное» образование. Имел специальность: машинист судового флота. Состоял членом коммунистической партии. С 1914 по 1918 гг. он служил на флоте судовым машинистом, являлся товарищем председателя судового комитета крейсера «Адмирал Макаров». Затем занимал пост волостного военного комиссара. С января по сентябрь 1919 г. Н. А. Ковылев работал инструктором информационно-инструкторского подотдела отдела управления Вологодского губисполкома. В сентябре 1919 г. был назначен заведующим отделом управления Вологодского губисполкома³⁰. Автор другого дневника, Лебединов Сергей Васильевич, родился в 1894 (или 1895) году, окончил Вологодскую торговую школу и получил специальность: инструктор-счетовод. В 1915 г. он был призван в армию и служил там писарем. Трудовая деятельность С. В. Лебединова была связана с работой в частном банке, в кооперативном союзе, в уездном и губернском продовольственных комитетах, в губернском земельном отделе. Затем с февраля по октябрь 1919 г. он являлся инструктором информационно-инструкторского подотдела отдела управления Вологодского губисполкома. После чего, по просьбе «Екатеринбургского отдела управления губернией» и после согласования с центральными партийными органами был переведен на должность заведующего информационно-инструкторским подотделом отдела управления Екатеринбургского губисполкома³¹. Источники позволяют предположить, что С. В. Лебединов отправился в г. Екатеринбург, вслед за переехавшей туда семьей. Из представленных сведений можно заключить, что авторам на момент создания дневников было не более 26 и 25 лет соответственно. Их личностное становление совпало с периодом мировой и гражданской войн, революционными событиями. Оба служили в армии, имели опыт работы в органах власти. После ревизионных обследований уездов и волостей Вологодской губернии в 1919 г. эти инструкторы информационно-инструкторского подотдела были повышены в своих должностях. Следовательно, их воззрения по вопросам

религии, занесенные в дневники, по крайней мере, не вызывали неприятия у руководства или не являлись существенным фактором при принятии кадровых решений.

В заключение отметим, что вопросами, интересующими чиновников, инспектирующих в 1919 г. уезды и волости Вологодской губернии, являлись среди прочих следующие: общее состояние религии в районе, использование церковного делопроизводства в профессиональной деятельности советских чиновников, наличие икон в помещениях органов власти и общественных учреждениях, церковные праздники. Характеризуя взаимоотношения власти и церкви в провинции в первые годы Советской власти, нельзя однозначно утверждать о резком и повсеместном уничтожении здесь всего того, что имеет отношение к религии. Контакты ответственных работников и верующего населения складывались противоречиво и неоднозначно. Региональные чиновники в основном учитывали требования центра, но проявляли и собственную инициативу в религиозной политике. Их взгляды по религиозным вопросам во многом были более гибкими по сравнению с позицией центра. Определенное значение в отношениях с церковью имело стремление ответственных работников к рациональному хозяйственному использованию религиозных помещений и предметов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАВО. Ф.53. Оп.1. Д.86, 87.

² Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С.50, 54.

³ ГАВО. Ф.53. Оп.1. Д.81. Л.40 об.

⁴ Там же. Ф.585. Оп.1. Д.35. Л.78; Д.62. Л.12.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1 декабря 1917 г. № 1. С.8 - 9.

⁶ Гидулянов П. В. Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ. М., 1923. - С.14.

⁷ ГАВО. Ф.53. Оп.1. Д.87. Л.319.

⁸ Там же. Оп.3. Д.26. Л.210.

⁹ Там же. Л.209, 216.

¹⁰ Гидулянов П. В. Указ. соч. С.14.

¹¹ ГАВО. Ф.53. Оп.1. Д.86. Л.102 об.

¹² Там же. Д.87. Л.508.

¹³ Там же. Л.222 - 223.

¹⁴ Там же. Д.83. Л.307 об.

¹⁵ Там же. Л.267.

¹⁶ Там же. Д.332. Л.72.

¹⁷ Там же. Л.71 об.

¹⁸ Там же. Л.333 об.

¹⁹ Там же. Л.81 об.

²⁰ Там же. Д.87. Л.330, 338 об., 342.

²¹ Там же. Д.332. Л.336.

²² Гидулянов П. В. Указ. соч. С.10.

²³ Там же. С.12.

²⁴ ГАВО. Ф.53. Оп.1. Д.87. Л.330, 333.

²⁵ Там же. Д.332. Л.73 об.

²⁶ Там же. Л.74 об.

²⁷ Гидулянов П. В. Указ. соч. С.81.

²⁸ ГАВО. Ф.53. Оп.1. Д.332. Л.188.

²⁹ Там же. Д.87. Л.333.

³⁰ Там же. Оп.3. Д.26. Л.3 об., 6 - 6 об., 197.

³¹ Там же. Д.8. Л.3; Д.26. Л.3 об., 6 - 6 об., 244 - 244 об.